

УДК 903.5+903.59

П.В. ВОЛКОВ¹, Е.Д. ЖАМБАЛТАРОВА²

СТРАННЫЙ «ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ИНВЕНТАРЬ» ИЗ ФОФАНОВСКОГО МОГИЛЬНИКА*

¹ Институт археологии и этнографии СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: volkov100@yandex.ru;

² Музей Бурятского научного центра СО РАН,
г. Улан-Удэ
e-mail: dashievna@yandex.ru

Впервые представлена функциональная характеристика и интерпретация сопроводительного инвентаря из нескольких погребений Фофановского могильника, основанная на результатах трасологического обследования. Выявленная специфика инструментария заставляет усомниться в сакральности многих предметов, обнаруженных в шести могилах раскопок 1936 г. из фондов Эрмитажа.

Ключевые слова: Байкальский регион, Фофановский могильник, погребальный обряд, сопроводительный инвентарь, функциональный анализ, интерпретация.

Фофановский могильник расположен в 0,5–1 км от с. Фофаново Кабанского района Республики Бурятии, на юго-западном, юго-восточном и восточном склонах Фофановской горы, на высоте 26–40 м над уровнем р. Селенги.

Памятник открыт в 1926 г. А.П. Окладниковым [1]. Работы на могильнике проводились М.М. Герасимовым в 1931, 1934–1936, 1959 гг. [2], А.П. Окладниковым в 1948 и 1950 гг. [3, с. 14], В.П. Коневым в 1987–1991 гг. и Е.Д. Жамбалтаровой в 1996 [4, 5] и 2007–2008 гг. [6].

В качестве исследовательского материала для настоящей работы была использована коллекция находок шести погребений Фофановского могильника из раскопок 1936 г. (место хранения – Отдел археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа). Сложность их изучения состояла в отсутствии полевой документации и, как следствие, в невозможности установления хронологической принадлежности, а также в целом археологического контекста находок. Но согласно коллекционной описи принадлежность предметов к инвентарю Фофановских погребений несомненна. Артефакты были подвергнуты трасологическому обследованию, в результате которого были определены функции и особенности использования каменного, рогового и костяного инструментария, оказавшегося в могилах в качестве сопроводительного инвентаря.

Функциональные исследования каменных артефактов коллекции базировались на методике экспериментально-трасологического анализа, разработанной С.А. Семеновым и Г.Ф. Коробковой [7; 8]. Использовался и опыт синтезированной трасологической методики, адаптированной для работы с материалами археологических коллекций палеолитических и

неолитических памятников Северной Азии [9; 10]. Для сравнительного анализа следов изношенности на древних орудиях из камня использовались материалы Сибирской эталонной коллекции трасологических стандартов.

В могилах оказались фрагменты керамических сосудов, перламутровые нашивные на одежду бусины и орудия из камня, рога и кости. Состав находок, выявленных в результате трасологического анализа орудий в каждом из погребений, имел свои особенности.

Набор орудий в каждом из исследованных погребений разнообразен по составу и не похож один на другой. В пяти могилах орудия немногочисленны, а в погребении № 10 их вообще нет (рядом с умершим найдены только бляшки-украшения и фрагменты керамики). В погребениях № 1, 4, 6 выявлены кочедыки, изредка – иглы и наконечники стрел. Обнаружены такие редкие изделия, как топор и «игольница». С каждым погребенным оказалось в среднем по 2–4 предмета. Это – сравнительно немного. Исключением можно считать погребение № 6, куда было помещено 7 каменных наконечников стрел. Особняком выглядит погребальный инвентарь могил № 7 и № 9.

В перечне находок из погребения № 7, помимо фрагментов керамики и характерных украшений из перламутра и «клыков оленя с просверленным отверстием», встречены изделия, которые можно отнести к инструментарии. Часть орудий сделана из рога и кости – роговой *гарпун* в виде слегка уплощенного узкого стержня с двумя зубцами на одной и одним зубцом на другой стороне; роговой *гарпун* в виде округлого узкого стержня с двумя несимметрично расположенными по бокам зубцами и двумя выступами-шпеньками на конце насада; острое *рыболовного крючка* из когтя хищника; уплощенный роговой *кочедык* с суженными затупленными концами; костяное *шило*, заостренное, овальное в сечении, со струганным и закругленным концом, противоположным острию; *шило* плоское,

* Работа выполнена в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» (проект 1.7)

суживающееся к острию с закругленным основанием; *шило* костяное, с длинным узким острием, с клинообразно оструганным основанием; *шило* костяное, плоское, равномерно суживающееся к острию. Остальные артефакты представлены инструментами из камня: *точильный брусок* из шиферного сланца, в виде прямоугольной пластины со следами излома на одном из концов; *отщепы* без следов использования (13 шт.); *отщеп* с прямым ретушированным лезвием; *скребок* на отщепе с округлым ретушированным лезвием; *отбойник* в виде продолговатой гальки; *долото* с узким рабочим концом и расширенным поперечно обрезанным основанием.

В погребении № 9, кроме обычных для могильника перламутровых украшений в виде бляшек-нашивок с отверстием в центре (диаметром от 13 до 19 мм), у которых иногда, на наружной стороне, прослеживаются желобок, образовавшийся от трения нити (в могиле таких найдено более сотни), было обнаружено: *кочедык* в виде стержня из рога, круглый в сечении, с пирамидально обрезанными концами; два плоских костяных *наконечника стрел*, в форме вытянутого равнобедренного треугольника; два каменных, плоских, овальной в плане формы *скребка*, на отщепе с ретушью по рабочему краю; *орудие*, выполненное на отщепе, с двумя прямыми лезвиями, расположенными под углом друг к другу; краевой *отщеп* с ретушью на одном участке бокового края; *отщеп* неправильных очертаний без ретуши и следов утилизации; плоский, неправильной формы *точильный брусок*; *топор* шлифованный, плоский, с суженным основанием и слегка дугообразным лезвием; *топор* шлифованный, плоский, расширенный в средней части, с суженным рабочим концом и прямым лезвием; орнаментированный поперечными кольцевыми нарезками *игольник* из трубчатой кости животного; фрагмент *иглы*, овальной в сечении.

Насколько необычен набор инструментария из кости и камня в погребениях № 7 и № 9, стало видно из результатов проведенного общего трасологического анализа материалов коллекций. В итоге обследования коллекции была зафиксирована и специфика утилизации инструментария. Определена относительная степень износа орудий, их сравнительная износоустойчивость, характер их «оживления» и т. п. Именно эти особенности и дали основание увидеть уникальность в «погребальном инвентаре» Фофановского могильника из коллекции Эрмитажа.

Функциональное разнообразие орудий в погребениях № 7 и № 9 крайне велико. Особенно это заметно на фоне довольно скромных наборов орудий из могил № 1, 4, 6, 10. В связи с необычайным богатством и крайним разнообразием орудий в могилах № 7 и № 9 вполне естественной является постановка вопроса о роли инструментария в погребениях. Действительно ли все артефакты такого рода оказались в погребении не случайно и их размещение в могилах рядом с умершими преднамеренно? Все ли артефакты в погребениях несут какую-либо сакральную символику?

Почему на примере исследуемой коллекции Эрмитажа мы видим в одних могилах малое количество или полное отсутствие рабочих инструментов или, на-

против — богатый и разнообразный инструментарий? От уровня благосостояния умерших это, очевидно, не зависело. Погребенные в могилах № 1, 4, 6, 10, судя по богато украшенным перламутровыми бусинами одеждам, были, вероятно, не беднее тех, кто похоронен в могилах № 7 и № 9.

Принято думать, что с умершими в иной мир отправлялись какие-то особые, «погребальные» вещи. Предполагается, что набор именно таких предметов должен как-то пригодиться умершему в загробном мире. Какие же орудия из камня, несомненно, самого прочного и наиболее годного материала для титула «вечный», оказались в составе инструментария могил № 7 и № 9?

Трасологический анализ, зафиксировавший утилизацию инструментария, показал, что во всех погребениях орудия не имеют вотивного характера. Всеми орудиями уже работали. Причем использовали инструментарий для решения явно практических, вполне «земных» задач.

Орудийный набор, найденный в погребениях № 7 и № 9, представлен в следующем виде: скребки по мягким, вероятно еще свежим, шкурам, скобели, резчик, абразивный инструмент, ретушер, тесла и т. д. Отрасли хозяйства, в которых использовались орудия из погребений, очень разнообразны. Следы использования орудий свидетельствуют об обработке ими шкур, дерева, размягченных кости и рога, а также их применении в работе с мясом. Морфологически оформленных, подготовленных, но неиспользованных орудий в погребениях не обнаружено. Часть каменного инструментария выполнена на неретушированных снятиях и представляет собой орудия «одноразового» использования. Найдены в погребении даже отщепы без каких-либо следов использования.

Необычность набора орудий, оказавшихся в могилах из коллекции Эрмитажа, увиделась еще и в разнообразной степени относительного износа орудий. Это означает, что в могилу были положены не «преднамеренно изношенные», не «новые, ранее не употреблявшиеся» в работе инструменты.

Представляется логичным, что в могилах, рядом с умершими должны быть найдены орудия, предназначенные для относительно долгого использования. Не лишними среди сопровождающих умершего предметов будут, вероятно, и приспособления для «оживления» инструментов (точила, ретушеры и т. п.). Инструменты в могиле, если они не сломаны сознательно ради их «умерщвления», должны быть сравнительно прочными; несомненно, заранее для долгого использования подготовленными (заостренными, отлаженными и т. п.). Все это верно для погребений в различных культурах, справедливо и для подавляющего большинства захоронений Фофановского могильника. Однако обнаружили и исключения.

Изучение коллекции Эрмитажа показало, что среди находок в погребении № 7 зафиксировано 13 отщепов без следов их использования или их подготовки для будущей работы в роли инструментов. Технологический и трасологический анализ данных артефактов показал, что, судя по качеству материала и перспективам их преобразования в какие-либо орудия,

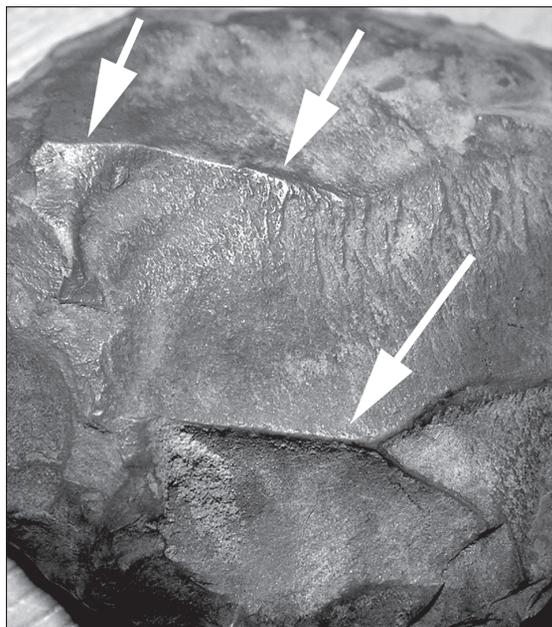

Рис. 1. Следы заглаживания поверхности скребкового орудия.

это – мусор, «отходы производства». Вероятность их преобразования в форму, удобную для какого-либо использования, крайне мала. Крайне сомнительно и сакральное назначение такого рода «погребального инвентаря».

В погребениях № 7 и № 9 в результате трасологического анализа выявлено достаточно большое количество так называемых разовых орудий. Это – ножи для работы с мясом, скребковые инструменты, выполненные на различных по размеру и пропорциям отщепах или на нерегулярных пластинах. Степень формообразования «заготовок» посредством различного рода ретуширования крайне незначительная. На такого рода инструментах встречаются следы переоформления рабочего края, что может свидетельствовать об использовании данных орудий для выполнения нестандартных операций.

Назначение и потребность в «разовых» инструментах [11] всегда определялись «сиюминутными», случайными потребностями. Такие орудия явно не предназначались для долговременного использования. Есть ли смысл укладывать в могилу такие инструменты?

Еще одна характеристика погребального инвентаря, которая может показаться странной, – это степень

Рис. 2. Износ рабочего края скребка для работы с мягкими шкурами.

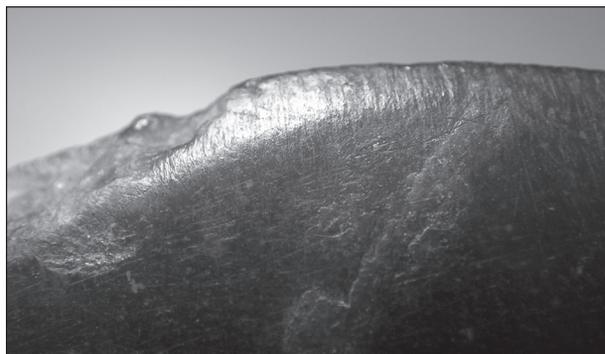

Рис. 3. Износ рабочего края скребка для работы с жесткими шкурами

Рис. 4. Износ рабочего края ножа для работы с мясом.

износа инструментов из могил № 7 и № 9. Например, на плоском (нерабочем) участке одного из скребковых орудий были зафиксированы следы рук владельца (рис. 1). Такое заглаживание на поверхности инструмента может быть следствием только крайне продолжительного использования орудия. Орудие изношено до предела. В той же крайней степени изношенности рабочий край можно обнаружить и на другом инструменте (рис. 2). Работать таким скребком практически невозможно (рис. 3).

Не лучше скребков выглядят и многие ножи из погребений. На рис. 4 представлен образец крайней степени износа лезвия ножа, предназначавшегося для работы с мясом. Продолжить работу таким орудием нет никакой возможности. Некоторые изделия неоднократно переоформлялись или перезатачивались (рис. 5). Это косвенно может свидетельствовать о нестабильности рабочих операций, выполнявшихся многими орудиями из исследованного инструментария.

Технологический анализ показал, что не только найденные в погребениях отщепы, но и подавляющее большинство орудий выполнены отнюдь не из лучшего, сколько-нибудь износоустойчивого, материала. Для инструментария, предназначенного для долгой эксплуатации, это выглядит странно. Сырье для орудий погребений № 7 и № 9 использовалось самое разное. Все – как обычно и естественно для самого простого, повседневного, ничем не примечательного инструментария «средней руки» состоятельного владельца. Почти все изделия – «орудия-однодневки». Качественные орудия, годные для относительно долгого использования, встречаются редко. А ведь именно в инструментах из прочных материалов, в проверенных опытом формах, неизношенных орудиях мог, как представляется, нуждаться умерший в «загробном мире».

Рис. 5. Характер заточки лезвия шлифованного тесла.

Версия о бедности погребенных в могилах № 7 и № 9, как и в других могилах, судя по материалам коллекции Эрмитажа, представляется неубедительной. Среди предметов в могилах обнаружено не только обилие дорогих нашивных украшений, но и орудия из редких, весьма износоустойчивых и даже красивых материалов, например нефритовые тесла.

Если предположить, что в могилах № 7 и № 9 погребены люди, занятые определенным производством, то это объяснит наличие в могилах некоторого количества роговых изделий, работа с которыми еще не завершена. Но мастер вряд ли захватил бы с собой «в долгий путь» инструментарий в наборе случайном, значительно изношенный и без возможности его универсального использования. Не могли не догадываться об этом и его соплеменники.

Упомянутые выше особенности погребального инвентаря могут быть объяснены, если предположить, что с умершим в могиле оказались только случайные предметы. Вероятно, только те предметы, что были с погребаемым в день его смерти. Выявленный в могилах № 7 и № 9 инструментарий типичен для решения повседневных задач. Те, кто совершал погребение, явно не только не обратили внимания на хаотичность набора орудий, но и, похоже, вообще не придавали ему значения.

Технологические и трасологические исследования находок Фофановского могильника из коллекции Эрмитажа дали возможность посмотреть на их состав с позиций более утилитарных, чем традиционно принято при изучении погребений. Выявленная специфика

утилизации орудий, сам состав находок в могилах не стимулируют размышлений в пользу сакральной интерпретации данного «погребального инвентаря». Вероятно, не всегда еще живущие соплеменники или те, кто совершал обряд погребения, относились к предметам, оказавшимся «в карманах» умершего, с должным мистическим чувством. Не всегда действия наших предков были наполнены ожидаемым нами символизмом или даже смыслом. Не всякий погребальный инвентарь можно считать «сакральным». Символизм деталей каждого погребения нам, археологам, следует всякий раз не только искать, но и убедительно обосновывать.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Окладников А.П.* Следы доисторических культур на севере Селенгинской Даурии // Северная Азия. 1928. № 3. С. 63–69.
2. *Герасимов М.М., Черных Е.Н.* Раскопки Фофановского могильника в 1959 г. // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 23–48.
3. *Окладников А.П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.; Л., 1955. Ч. 3: Глазковское время. (МИА, № 43).
4. *Жамбалтарова Е.Д., Конев В.П.* Фофановский могильник: материалы 1987–1989 и 1996 года // Историко-культурное наследие Северной Азии: итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. Барнаул, 2001. С. 171–172.
5. *Лбова Л.В., Жамбалтарова Е.Д., Конев В.П.* Погребальные комплексы неолита – раннего бронзового века Забайкалья (формирование архетипов первобытной культуры). Новосибирск, 2008.
6. *Жамбалтарова Е.Д.* Ранненеолитические материалы Фофановского могильника (по результатам раскопок 2007–2008 гг.) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Удэ, 2010. С. 44–47.
7. *Семенов С.А.* Первобытная техника. М.; Л., 1957. (МИА № 54).
8. *Korobkova G.F.* Narzedzia w pradziejach. Torin, wydawnictwo Uniwersytetu Mikolaja Kopernika, 1999.
9. *Волков П.В.* Трасологические исследования в археологии Северной Азии. Новосибирск, 1999.
10. *Волков П.В.* Эксперимент в археологии. Новосибирск, 2010.
11. *Волков П.В.* Проблема выборки при трасологических исследованиях археологических коллекций Северной Азии // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. Т. 3: Материалы V Годовой итог. сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН, посв. 40-летию СО РАН и 30-летию Ин-та истории, филологии и философии СО РАН. Декабрь 1997 г. С. 428–433.